

шейся близ д. Верховино (В-Важ), *Под Кручей* и *На Кручах*, сообщенные соответственно Ф.Ф. Игнатьевским и А.Ф. Ширяевской.

Таким образом, микротопонимическая система того или иного населенного пункта существует в целом ряде вариантов, различия между которыми оказываются весьма значительными. Изучение таких вариантов, носителями каждого из которых могут быть очень небольшие социумы и даже отдельные личности, ставит вопрос о специфике соотношения узуального и окказионального в микротопонимии. Практика полевых сборов приучила собирателей скептически относиться к однократно зафиксированным микротопонимам даже в том случае, когда информант свободно оперирует таким названием, неоднократно пользуется им и уверенно соотносит его с конкретным объектом. В плане выявления общеупотребительной микротопонимической системы, особенно при реконструкции субстратного ее пласта, такой «коллективный» подход является единственно верным. Однако приравнивание любого индивидуально употребляемого названия к окказионализмам обедняет представления о функционировании микротопонимикона и лишает возможности наблюдать за ономаσιологическими особенностями топонимации. Очевидно, стоит не только фиксировать совпадающие у разных информантов названия, но и отмечать все индивидуальные несовпадения как в обозначениях одного и того же объекта, так и в микротопонимиконе в целом.

Ю.Б. Попова

К вопросу об источниках изучения коллективных прозвищ в говорах Русского Севера

В статье предпринимается попытка анализа источников изучения севернорусских коллективных прозвищ. Опыт изучения русских коллективных прозвищ показывает, что именно по этой территории данный антропонимический материал выделен наиболее полно и разнообразно. В качестве опорного материала для комплексного исследования коллективных прозвищ использовались полевые записи Топонимической экспедиции [далее – ТЭ] Уральского государственного университета и письменные источники, которые можно разделить на два типа: 1) неспециализированные источники – этнографические и фольклорные (труды В.И. Даля, М. Забылина, Д.К. Зеленина, И.П. Сахарова,

И.М. Снегирева¹); 2) специализированные лингвистические источники – словари, составленные в XIX (Куликовский, Подвысоцкий) и XX вв. (АОС, СРНГ, СРГК, словарь И.С. Меркурьева²).

Сложность работы с данными, извлеченными из этих источников, обусловлена не только их многогранностью и разнообразием, но и разнородностью материала, так как полевые записи нацелены на непосредственную фиксацию коллективных прозвищ, в то время как неспециализированные источники чаще всего фиксируют коллективные прозвища в составе присловья, анекдота, прибаутки и т.п.

Таким образом, весь массив коллективных прозвищ может быть разделен на *собственно номинативный* и *текстовый* материал.

Основу первой группы составляют онимы, выявленные при просмотре полевых материалов, текстовый же материал в основном извлечен из письменных фольклорных источников (хотя отмечаются и исключения, о чем будет сказано ниже). Что касается словарей, то их данные (несмотря на нацеленность этого типа источников на языковую фиксацию) равномерно распределяются по обеим группам, так как зачастую словарь повторяет фиксацию прозвища в письменном источнике (чаще всего это данные СРНГ, который включает материалы В.И. Даля).

Все вышесказанное позволяет поставить задачу верификации, выявления прозвищ, а также сопоставления номинативных и текстовых единиц между собой. Различия между номинативным и текстовым материалом отмечаются в двух направлениях.

1. Хронологические отличия, заключающиеся в том, что прозвища принадлежат к двум различным временным пластам: текстовый материал зафиксирован в основном в XIX в., а номинативный – в XX. Но на основании этих хронологических различий нельзя делать вывод об абсолютной разнородности материала, так как есть прозвища, сохранявшиеся на протяжении почти двух веков и зафиксированные всеми типами источников: *векшееды, водохлабы, воры, еришееды, икотники, кайваны, кайки, камзольники, кошкодавы, лапти, лягушечники, солодяжники* и др. Кроме того, отмечены случаи смены более древних моделей но-

¹ *Даль В.И.* Русь – Родина // *Даль В.И.* Пословицы русского народа: В 2 т. М., 1989. Т.2. С. 288–304 [далее – Д.]; *Забылин М.* Русские народные присловья // *Забылин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Минск, 1991. С. 571–581 [далее – З.]; *Зеленин Д.К.* Великорусские народные присловья как материал для этнографии; Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии: (Этнографические и историко-литературный очерк) // *Зеленин Д.К.* Избр. труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994. С. 38–104 [далее – Зел.]; *Сахаров И.П.* Русские народные присловья // *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. М., 1990. С. 203–224 [далее – С.]; *Снегирев И.М.* Словарь русских пословиц и поговорок. Русские в своих пословицах. Н. Новгород, 1996. С. 557–576 [далее – Сн.].

² *Меркурьев И.С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979 [далее – Меркурьев].

выми, при этом сохраняются концептуальные условия создания таких прозвищ; ср., например, появившуюся в материалах ТЭ модель, отражающую древнюю оппозицию «свое-чужое» (прозвища из материалов XIX в. -- *кайваны*, *чудь*, *лопари* и т.п. коррелируют с современной моделью, представленной в онимах типа *американцы*, *китайцы*, *турки*, *японцы* и т.д.). Очевидно, процесс появления таких имен связан, с одной стороны, с сохранением устойчивой модели, отражающей чуждость другого этноса (первоначально) в сознании номинатора и с ее переносом на более мелкие объекты номинации (жители одной деревни), с другой стороны, с расширением кругозора, знаний номинатора о мире, его культурных познаний и т.п.

2. Функциональные отличия, связанные с использованием прозвища либо как языковой единицы, либо как употребляемого элемента текста конкретного присловья или анекдота (в первом случае мы имеем дело с фактами языка, во втором – фольклорного текста).

Не вызывает сомнений и не требует доказательств существование основного корпуса прозвищ, в который входят номинативные единицы, характеризующиеся как факты языка, а не фольклора. Эти прозвища выполняют номинативную функцию, они коммуникативно значимы, могут быть выделены из текста и использованы в другой ситуации. Чаще всего такие прозвища зафиксированы в условиях полевого сбора, когда информант нацелен на воспроизведение имени, отдельной номинативной единицы, ситуации создания прозвища и на его объяснение:

батуны – жители д. Лукино (Чаг) – *«трепачи были, много говорили»* (ТЭ) (ср.: *батать* – ‘говорить’ (СРНГ 2, 142);

волнушки – жители д. Исаково (Ваш) – *«волнушками нас звали, потому что лесов у нас много и грибов много, волнушек»* (ТЭ).

Но к этому же корпусу могут быть отнесены прозвища из фольклорных источников и словарей, где уже не информант, а исследователь или составители пытаются объяснить этимологию прозвищ:

(нерехотские) бегуны – жители Нерехотского уезда Ярославской губернии – *«нерехотские мещане, переходившие из одного торгового села в другое с безменом в руках покупать пряжу»* (Сн. 552);

черепаны – жители Кайгородского уезда Вятской губернии – *«издава- на занимаются горшечным ремеслом»* (3.78);

красноязыкие – жители Великоустюжского уезда Вологодской губернии – *«дано в насмешку над их говором»* (СРНГ 15, 187).

В то же время во всех типах источников (в той или иной мере) зафиксированы наименования, принадлежность которых к фактам языка может оспариваться и, следовательно, требует доказательств. Речь идет о прозвищах, извлекаемых из различного рода фольклорных текстов.

Отметим, что степень связанности таких наименований с текстом может быть различна, и в соответствии с этим прозвище включается либо в основной корпус онимов, либо фиксируется как периферийное наименование. Таким образом, следует разводить собственно коллективные прозвища и текстовые образования. Однако, пытаясь провести это разграничение, необходимо помнить, что «многие коллективные прозвища находят объяснения в прибаутках, дразнилках, побасенках, «бухтинах», анекдотах о жителях тех или иных мест»³.

Возникает необходимость разработки критериев выделения коллективных прозвищ из фольклорных и этнографических источников:

1) Не стоит забывать о том, что присловье принадлежит к области фольклора: оно предпочитает образность, «фигурность» выражения, охотно пользуется двусмысленными оборотами речи. На этом основании нами не выделялись прозвища из тех присловий, которые были зарифмованы, т.е. факт присутствия рифмы в большинстве случаев относил данный текст к фольклорному жанру.

Например:

1. *Любимые ловцы – даниловцы-невыдавцы,*
    А романовцы – схорони концы.
2. *Олонцы – добры молодцы.*
3. *Новоторы – воры,*
    И осташи – хороши!

В данных примерах выделение прозвищ из текста вообще невозможно, да здесь и нельзя говорить о факте существования прозвища, это присловье – феномен народного красноречия. Если квалифицировать как прозвище фразу *олонцы – добры молодцы*, то ее невозможно было бы использовать как номинирующую единицу в другой ситуации, так как эта фраза – присловье. Если же попытаться выделить из присловья часть *добры молодцы* и считать это прозвищем, то оно будет нефункционально (нетрудно представить себе контексты типа «вон *добры молодцы* идут», «поехали к *добрым молодцам*», употребляемые без уточняющего имени олонцы, но в этих контекстах словосочетание *добры молодцы* будет выступать как лексикализованная нехарактеризующая единица), так как данное словосочетание не имеет дифференцирующей, выделяющей функции.

2) Нужно также отметить, что прозвища реализуют устойчивые модели антропонимической номинации, и некоторые факты, содержащие-

---

³ Журавлев А.Ф. Ляпуны, гужеелды, рязань косопузая... (народные «региональные» прозвища как этнографический источник) // Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии русского языка: Тез. докл. и сообщ. Вологда, 1983. С. 196.

ся в материале, были отнесены к фактам текста, а не языка на основании несоответствия этим моделям.

Ср.: туляки - *стальная душа*;
сибиряки - *золотое дно*.

Например, идиома *золотое дно* характеризует, скорее, саму Сибирь, так как соответствует моделям топонимической номинации (ср. распространенность в русской топонимии названий *Золотое Дно*, обозначающих ценные в хозяйственном отношении объекты). Для прозвищного номинирования такая модель нехарактерна.

3) Как уже отмечалось ранее, прозвище – факт языка, присловье – факт текста. Но в отличие от других разрядов ономастики (например, топонимии) нельзя отрицать факт близкого соотношения коллективных прозвищ и текста. Коллективное прозвище, пусть даже функционирующее как номинативная единица, тесно связано с текстом (доказательство этому – ситуативные мотивировки), прозвище – различная степень компрессии фольклорного текста. И если прозвище в составе текстовой структуры сохраняет свою основную функцию – характеризует объект номинации, то оно должно быть признано самостоятельной языковой единицей (возможно, даже при наличии текстового оформления и присутствии рифмы), например:

«*петряши-олахи, синие (белые) рубахи*» – жители д. Петряево (Сок);

«*лопшари-зубари*» – жители д. Лопшеньга (Прим): предположительно это прозвище представляет собой один из типов языковой игры, а именно игровое переосмысление топонима, обозначающего место жительства носителей прозвища, на основании чего предсказуемо появление мотивировки – «*ели лапуу*»;

«*мезени-зелезени*» – жители г. Мезень (Арх.): в данном ониме наблюдается соответствие «птичьей» модели, характерной для территории Мезенского района и предположительно связанной с некогда проживавшим на этой территории финно-угорским населением⁴ (ср. также прозвища, зафиксированные как собственно номинативный материал: *кукушки* – жители д. Жердь, *совы* – жители с. Дорогорское, *тетеры* – жители д. Ручьи).

Такие наименования должны быть признаны периферийными явлениями корпуса коллективных прозвищ. Материал такого рода в большинстве случаев соответствует семантическим моделям, но не верифицируется в номинативном употреблении, так как чаще всего примеры употреб-

---

⁴ Агапатов В. Об орнитотопонимах островов архипелага Кижские шхеры (отражение родовых и фратриальных связей в топонимии Заонежья) // Заонежский сборник. Петрозаводск, 1992. С. 48–60.

ления этих промежуточных наименований в других контекстах и использования их в номинативной ситуации отсутствуют.

Например:

«мезени-*железени*, никола-*колокола*,
Лампожня-*песцы*, Заозерье-*кресцы*» (ТЭ),
«Юрома-*воровка*, Тиглява-*колотовка*» (ТЭ).

Хотя данные примеры, на первый взгляд, представляют собой пример топонимической номинации, они, скорее всего, должны быть отнесены к периферии коллективных прозвищ, так как в большинстве случаев представляют собой опосредованную характеристику жителей этих населенных пунктов.

Таким образом, выделяется целый ряд явлений, близких к коллективным прозвищам, но отличающихся от них по разным основаниям и должным быть отнесенным к периферии сферы функционирования коллективных прозвищ. Наличие таких явлений, близких по своей природе, позволяет более отчетливо и объемно представить характер и границы интереснейшего разряда ономастики – коллективных прозвищ.

Д.П. Гулик

Вторичные этнонимы и отэтнонимические дериваты английского языка в свете языковой картины мира

В настоящей статье рассматриваются два типа лексических единиц, связанных с этнонимической системой языка: 1) *вторичные этнонимы* (далее ВЭ) – неофициальные, прозвищные названия народов, этнических сообществ и групп (синонимы: прозвищные этнонимы, этнические прозвища); 2) *отэтнонимические дериваты* (далее ОД) – этнонимы и их дериваты, которые, выступая как самостоятельные лексические единицы либо в составе устойчивых словосочетаний, имеют лексикографически закреплённые производные значения. Последние, в свою очередь, являются узуальной «материализацией» коннотаций, характерных для данных этнонимов. Эти лексические единицы рассматриваются как языковой материал, в котором нашли свое отражение образы представителей тех или иных национальностей и этнических групп (причем образы заведомо искаженные – в силу действия закономерностей кросс-культурной психологии, а также различных языковых факторов), а вся эта лексика в совокупности – как некое отражение в языке «иноплеменного мира». Другими словами, данная лексика анализируется в качестве возможного источника информации о фрагменте языковой картины мира, связанного с концептами «*инородец*» и «*иноплеменный мир*».